

Алессандро Ставру

Эротические паттерны
*Sōkratikoī logoi**

Тема эроса занимает важное место в сократической литературе. За исключением Аристиппа, все ученики Сократа писали *erōtikoi logoi*. Из них полностью сохранились сочинения Платона¹ и Ксенофонта²; благодаря более поздним авторам мы располагаем и значительными отрывками из «Алкивиада» и «Аспазии» Эсхина, что позволяет реконструировать структуру обоих диалогов. Немногочислены фрагменты *erōtikoi logoi* Антисфена, а именно таких текстов, как «Алкивиад», «Аспазия», «О деторождении» (или «О браке, речь любовная»), «Кир, или Возлюб-

* Я признателен Ольге Алиевой за перевод английского текста, а также за ценные замечания к некоторым проблемам, затронутым в этой статье.

¹ Из диалогов Платона прямо затрагивают эротические вопросы «Хармид», «Лисид», «Пир» и «Федр». См.: *L. Robin. La théorie platonicienne de l'amour. Paris : PUF. Я не вхожу в споры об аутентичности Alc. I и II, о чем см., напр.: G. Arrighetti. Introduzione // Platone. Alcibiade Primo. Alcibiade Secondo. Milano: Rizzoli, 1995. P. 5–29; и L. Palumbo. Socrate e la conoscenza di sé: per una nuova lettura di Alc. I 133a–c // L. Rossetti & A. Stavru (eds.). Socratica 2008. Studies in Ancient Socratic Literature. Bari: Levante, 2010. P. 185–209.*

² Ксенофонт говорит об эросе главным образом в «Пире», который был, вероятно написан в 360-х. См.: *B. Huss. Xenophons Symposion. Ein Kommentar. Stuttgart–Leipzig: Teubner, 1999. S. 15–18.*

ленный». То же можно сказать и об «Аксиохе» и *Erōtikos* Эсхина, *Erōtikos* и «Алкивиаде» Евклида, «Зопире» и «Алкивиаде» Федона, «О любви» Симмия. Названия этих сочинений перечислены у Диогена Лаэртского, однако в большинстве случаев соотнести дошедшие до нас фрагменты с тем или иным из этих *logoi* довольно сложно, и по этому поводу не утихают споры среди исследователей. Таким образом, восстановить структуру и даже содержание этих текстов не всегда возможно.

Почти все сократики первого поколения писали *erōtikoi logoi*. Единственное исключение составляет Аристипп, кто, по-видимому, вообще не писал диалогов³. Тем не менее, поскольку Аристипп активно разрабатывал тему *hēdonē*, тесно связанную с эротической проблематикой, даже его фрагменты могут представлять интерес для нашего исследования. Более того, мы должны помнить, что многие *Sōkratikoī logoi*, в которых воспроизводились те или иные эротические паттерны, за века были утрачены, причем отдельные из них уничтожили в эпоху христианства⁴. Так, например, от авторов периода империи мы знаем, что даже младшие сократики, такие как Кебет, писали эротические диалоги, и что эти тексты намеренно уничтожались⁵.

Значение эротической проблематики в сократическом кругу видно на примере Платона и Ксенофонта, от которых до нас дошел весь корпус сочинений. Но даже в тех текстах, которые мы лишь примерно себе представляем, например в сочинениях Эсхина и Антисфена, она была чрезвычайно важна. Это касается и тех текстов, где вопросы эротики прямо не рассматриваются, поскольку общая атмосфера, метафорический контекст и даже сам их язык несут зачастую отпечаток эротической гетерии.

В первой части этого доклада я отмечу причины, по которым сократики столь много внимания уделяли эросу. В этой связи мо-

³ Panaet. *ap.* Diog. Laert. II 64.

⁴ Ср. L. Rossetti. Spuren einiger *Erōtikoi Logoi* aus der Zeit Platons // «Eranos». 72 (1974). S. 185–192.

⁵ Ibid. S. 192.

жет быть полезна небольшая справка о политическом контексте возникновения *Sōkratikoí logoi*. Общеизвестно, что в 399 г. Сократа обвинили в том, что он «вводит новых божеств» и «развращает юношей»⁶. Последнее обвинение было направлено, вероятно, не только против Сократа, но и против его учеников, которых тем самым косвенно обвиняли в нравственной распущенности. Наиболее ярким примером такой распущенности был Алкивиад, которого афиняне винили в поражении в войне против Спарты. Когда в 393 г. Поликрат в своем «Обвинении» вновь напал на сократиков, он сослался на примеры Алкивиада и Крития, чтобы показать, что учение Сократа несовместимо с традиционными ценностями демократических Афин.

Отклик сократиков на это нападение был немедленным и преследовал одну цель: продемонстрировать, что обвинения в развращении юношей, выдвинутые в 399 г. и воспроизведенные вновь в 393 г., беспочвенны. В пику Поликрату следовало показать, что Сократ не несет ответственности за поступки учеников, особенно наиболее дерзкого из них, Алкивиада⁷. Очень вероятно, что сократики систематически прибегали к этой стратегии: мы знаем, что за исключением Аристиппа и Ксенофонта все главные ученики Сократа сочиняли диалоги об Алкивиаде. Сохранившиеся образцы таких диалогов посвящены отношениям между Сократом и Алкивиадом, — отношениям, воспитательный характер которых был вдохновлен эросом. Итак, я перехожу к первому эротическому паттерну — Алкивиаду.

1. Первый паттерн: Алкивиад

Алкивиад — ключевая фигура для понимания сократовской пайдейи. Первый посвященный ему *Sōkratikoí logos* принадлежит Антисфену, — единственному сократу, лично знакомому

⁶ Ср. Favorinus *ap.* Diog. Laert.

⁷ Ср. G. Giannantoni. L'Alcibiade di Eschine e la letteratura socratica su Alcibiade // G. Giannantoni & M. Narcy (ed.). *Lezioni socratiche*. Napoli: Bibliopolis, 1997. P. 351–373, особ. 355–356; A.M. Ioppolo. Socrate e la conoscenza delle cose d'amore // «Elenchos». 20 (1999). P. 53–74, особ. 53.

с Алкивиадом. Антисфен описывает его как человека сильного, мужественного и незаурядно красивого — хотя необразованного и наглого⁸. Антисфен отмечает, что в случае с Алкивиадом усилия Сократа были безуспешны; напротив, моральное разложение Алкивиада было полным, как мы видим из другого фрагмента, где он описан как *paranomos*, сожительствовавший одновременно с матерью, женой и сестрой⁹.

Вероятно, против такой картины сократической пайдейи был направлен «Алкивиад» Эсхина, в котором особо подчеркивается любовь Сократа к его ученику. Здесь Алкивиад тоже молод и самонадеян. Сократ утверждает, что он поможет Алкивиаду достичь добродетели, не обучая его какой-то науке, но делая его лучше лишь силой своей любви (*eran*)¹⁰. Алкивиад уверен, что своей мудростью превосходит самого Фемистокла. Сократ не только демонстрирует ему, что это далеко не так¹¹, но и, после того как Алкивиад признает свое невежество, замечает, что даже Фемистоклу не хватило мудрости, чтобы сделать лучше своих сограждан, так как стать добродетельным можно лишь при помощи *theia moira*, «божественного удела». Эта божественная сила внерациональна и не передается путем простого обучения.

Платон, изображая отношения между Сократом и Алкивиадом, заимствует многие мотивы у Антисфена и Эсхина, немного видоизменяя их. Платоновский Алкивиад тоже молод и в зените своей карьеры¹², и Сократ влюблен в него¹³. Как и у Эсхина, Сократ не делится с Алкивиадом какой-то мудростью: неслучайно в «Пире» Алкивиад входит в дом Агафона *после* того, как Сократ

⁸ Athen. XII 534c (= SSR V A 198).

⁹ Herod. *ap.* Athen. V 220C (= 29a–b Decleva Caizzi).

¹⁰ Ael. Aristid. *De Rhet.* I. 61–64 (= SSR VI A 53).

¹¹ POxy 1608. 82–87 (= SSR VI A 49).

¹² Как справедливо указывает Бабю (*D. Babut. Peinture et dépassement de la réalité dans le Banquet de Platon // « Revue des Études Anciennes »*. 82 (1980). P. 5–29), драматическая дата «Пира» (416) предшествует осквернению герма, которые ознаменовали начало политического заката Алкивиада.

¹³ Plat. *Gorg.* 481d, *Prot.* 309a (cf. 316a), *Symp.* 217a, *Alc. I* 103a.

пересказал речь Диотимы, т.е. он не знает «истинного учения» Сократа об эросе. Еще черта платоновского Алкивиада, объединяющая его с персонажами Эسخина и Антисфена — это его самоуверенность. Так, собираясь рассказать всю правду о Сократе¹⁴, он сообщает, что некогда был настолько влюблен в него, что пытался обменять его мудрость на свою красоту¹⁵. Несколькими страницами далее мы узнаем, что Алкивиад не только не понял характера Сократа, но и переоценил свою внешнюю привлекательность. На самом деле, истинную сущность (*alētheia*) красоты, т.е. душу Сократа, нельзя обменять на видимость (*doxa*) красоты, т.е. тело Алкивиада — так же, как золото нельзя обменять на медь¹⁶. Алкивиад, который полагал, что из всех пирующих он один знает всю правду о Сократе, совершенно заблуждался. Он оказался неспособен оценить ни свою внешность, ни внутренние качества Сократа.

У Эسخина и Платона очевидно, что Сократ не учитель, а *erastēs* Алкивиада. Он не преподает ему никакого знания, но лишь показывает, что тот заблуждается насчет собственной мудрости. Пайдевтическое усилие Сократа не может достичь большего: Алкивиад останется *apaideutos* и *paranomos* даже несмотря на любовь к нему учителя¹⁷.

На этом этапе мы можем задаться вопросом: сделал ли Сократ все возможное, чтобы воспитать Алкивиада? Почему он только любил его, но ничему не учил? Эти вопросы подводят нас ко второму паттерну, который я хотел бы рассмотреть, а именно: Сократ — специалист в любовном искусстве.

¹⁴ Plat. *Symp.* 214e.

¹⁵ Plat. *Symp.* 217a.

¹⁶ Plat. *Symp.* 218e.

¹⁷ Следует отметить, что Ксенофонт исключает Алкивиада из окружения Сократа (*Mem.* I 2, 12 слл.) — наиболее вероятно, не из апологетических соображений, как может показаться на первый взгляд, а напротив, потому что когда он писал «Воспоминания», он счел ненужным, или неуместным, использовать эту фигуру, чтобы защитить Сократа от обвинений в развращении юношей.

2. Второй паттерн: Сократ — специалист в *ta erōtika*

С самого детства Сократа отличается тем, что он — *erōtikos*¹⁸. У него нет никакого иного знания, кроме *erōtika*, в котором он специалист, *deinos*¹⁹. Примечательно, что у сократиков эротическое и иные знания связаны с женским образом, в большинстве случаев — профессиональной проститутки, гетеры. Такова Аспазия, которую мы находим в различных вариациях у Антисфена, Эсхина и Платона, а также Феодота у Ксенофонта. Образ Диотимы у Платона отличается лишь на первый взгляд: хотя она жрица, а не гетера, у нее много общих черт с Аспазией и, по-видимому, это отклик на одноименный диалог Эсхина, как указывал Конрад Гайзер²⁰. Но какое именно знание Сократ усвоил благодаря этим женщинам? В чем его особенность?

Ответ на этот вопрос подсказан аналогией с миром проституции. От Антисфена, Эсхина и Ксенофонта мы узнаем, что эротическая мудрость Сократа состояла в его *mastropeia*²¹, т.е. в умении влюблять людей друг в друга, подбирая подходящую пару к их желаниям. Это одновременно эротическая и философская метафора: Сократ сводит людей, которые хотят стать лучше, с тем, что способно сделать их лучше, то есть с философией. Встреча между душой, стремящейся к доблести, и философией, эту доблесть внушающей, провоцируется любовью духовного рода. Стать доблестным человеком возможно только в силу желания, которое должно быть достаточно сильным, чтобы изменить жизнь человека; в то же время, это желание не должно быть плотским, оно направлено на удовлетворение потребностей души, а не тела. Со-

¹⁸ Plat. *Lys.* 211d–e.

¹⁹ Plat. *Theag.* 128b, *Lys.* 204b, *Symp.* 177d, 198c–d, 207c, *Resp.* 475a.

²⁰ K. Gaiser. *Protreptik und Paränese bei Platon. Untersuchungen zur Form des platonischen Dialogs.* Stuttgart: Kohlhammer, 1959. S. 133.

²¹ Ср. Aesch. *Asp.*, где Аспазия выступает в роли *mastropos*, хотя сам термин не встречается в тексте. Аспазия — *agathē promnēstria* в Xen. *Mem.* II 6, 36. Слово *mastropos* применительно к Сократу, а также к Антисфену, встречается в Xen. *Symp.* 3.10, 4.57, 4.62–64. См. также *Mem.* III 11, 15 и II 6, 35, где Сократ *synthēros/synthērasthēs*.

кратики согласны относительно «нестрастного» характера этого чувства: Антисфен²² признает только эрос, свободный от страсти, Эсхин говорит о *dikaios erōs*²³, Платон — о небесном, т.е. духовном, эросе²⁴, а Ксенофонт развивает идею о *sōphrōn erōs*²⁵. Таким образом, хотя метафора осведомленности Сократа в любовном искусстве навеяна миром проституции, сократический эрос понимается как исключительно духовное влечение.

Это позволяет понять причины неудачи, которую потерпел Сократ в случае с Алкивиадом: он не может сделать его добродетельным, поскольку Алкивиад неискренен, когда говорит, что хочет «стать лучше» при помощи философии²⁶. В «Пире» Платона и в «Алкивиаде I» Сократ ему не верит²⁷. Из-за этого лукавства увещания Сократа «позаботиться о душе» и пренебречь телесными благами не достигнут желаемых результатов²⁸. Алкивиад будет по-прежнему стремиться не к тому, о чем он говорит, а к славе, физической любви и богатству.

3. Третий паттерн: влюбленный Сократ

Но разница между Сократом и Алкивиадом этим далеко не ограничивается. Сказанное подводит нас к следующему эротическому паттерну: влюбленный Сократ. Мы уже видели, что у Эسخина Сократ пытается сделать Алкивиада лучше *dia eran*, т.е. при помощи своей любви к нему. Он терпит неудачу. Тем не менее, после долгого увещания он заставляет Алкивиада расплакаться, и тот, припав к коленям Сократа, молит о том, чтобы Сократ сделал его лучше. У Платона в «Пире» и в «Алкивиаде I»

²² DL VI 11; Xen. *Symp.* 4.38.

²³ Ср. С. Hindley. Xenophon on Male Love // «The Classical Quarterly». 49 (1999). P. 74–99, особ. 76.

²⁴ Plat. *Symp.* 180–181, 182a; 183, 210b. Ср. *Resp.* III 402d–f, V 468b; *Leg.* I 636b–c; VIII 835d слл. См. также *Alc. I*, где Сократ неоднократно повторяет, что он любит душу, а не тело Алкивиада.

²⁵ Xen. *Symp.* 1.10 и 8.12. См. также *Mem.* IV 1, 1–2; II 6, 28 и III 11, 16–17.

²⁶ Plat. *Symp.* 218d.

²⁷ Plat. *Symp.* 218d–e; *Alc. I* 135e.

²⁸ См. особ. Plat. *Alc. I*.

ситуация схожая. Поначалу это Сократ влюблен в Алкивиада, но после длительной эленктической беседы они меняются ролями, и уже Алкивиад увлечен Сократом. Создается впечатление, что Сократ сначала притворяется увлеченным красотой Алкивиада или других своих собеседников, таким образом выступая в роли их *erastēs*, но в конце концов он оказывается их *erōmenos*, так как юноши увлекаются им и вся эмоциональная ситуация оказывается полностью противоположной²⁹.

Но такое понимание, каким бы заманчивым оно ни было, противоречит тому, что мы видим в других местах *Erōtikoi logoi*. Здесь Сократ изображен *постоянно*, т.е. *naturaliter*, влюбленным. Мы уже упоминали о том, что в «Лисиде» Сократ заявляет, что он с детства (*ek paidos*) был *erōtikos tōn philōn*, и что он «желал бы иметь хорошего друга» (*moi philon agathon genesthai*)³⁰. В «Пире» мы читаем, что он «любит красивых, всегда (*aei*) норовит побыть с ними»³¹. В «Первом Алкивиаде» Сократ единственный, кто продолжает любить Алкивиада, когда тот перестает быть цветущим юношей³². Во фрагментах диалога «Зопир» Федона Сократ заявляет, что его естество по природе страстное, подверженное влечениям и пороку, и что ему удастся справиться с ним лишь при помощи разума³³. В «Пире» Ксенофонта он даже говорит о том, что никогда, по-видимому, не было такого времени (*chronon*), чтобы он не был влюблен в кого-нибудь³⁴.

Из этих текстов мы узнаем, что по природе своей Сократ очень влюбчив, и его влюбчивость — это самая суть его личности. Мы можем пойти еще дальше и сказать, что вся его жизнь — это постоянная эротическая активность, направленная

²⁹ См. T.A. Szlezák. *Platon und die Schriftlichkeit der Philosophie. Interpretationen zu den früheren und mittleren Dialogen*. Berlin–New York: de Gruyter, 1985. 253 sq.

³⁰ Plat. *Lys.* 211d–e.

³¹ Plat. *Symp.* 216d.

³² Plat. *Alc. I* 103b.

³³ Cic. *De fat.* 10; Cic. *Tusc. disp.* 4, 80; *Schol. Pers.* 4, 24; Ps.-Plut. *Peri ask.* f. 179; Alex. *De fat.* 6; Cass. *Conlat.* 13.5.3 (= fr. 6–11 Rossetti).

³⁴ Xen. *Symp.* 8.2.

на насыщение его страстной натуры. Он *erastēs* во всех своих поступках, и это привлекает его *erōtēnoi*, которые, в свою очередь, влюбляются в него. Это означает, что, будучи *erastēs*, он оказывается также *erōtēnos*, как очевидно, например, у Антисфена, где *agathos/sophos* — это тот, кто «должен извлечь пользу из эроса (*erasthēsesthai*)³⁵», и в то же время он «достоин любви» (*axierastos*)³⁶. Такое совпадение между *erastēs* и *erōtēnos* не означает, впрочем, что любовь Сократа непременно взаимна, так как его эрос носит философский характер и направлен на добродетель собеседников, в то время как эрос его собеседников³⁷ — это по большей части эгоистическое стремление либо к собственной добродетели³⁸, либо, как в случае с Алкивиадом, к материальным благам.

4. Четвертый паттерн: эротическая пайдейя Сократа

Мы видим, что сократический эрос направлен на образование собеседника Сократа. Четвертый эротический паттерн, который я намерен рассмотреть здесь, — это эротическая пайдейя Сократа. Мы уже видели, что цель сократического эроса — сделать собеседника лучше³⁹. Это *beltiōn poiein* играет важную роль в «Алкивиаде» и в «Аспазии» Эсхина, и мы находим это выражение в «Мильтиаде»; то же понятие возникает у Платона в «Пире» и «Алкивиаде I»⁴⁰, в «Воспоминаниях» Ксенофонта⁴¹. Из «Апологии» Платона мы знаем, что Сократ поощрял своих собеседников к доблести⁴².

³⁵ Athen. XII 513a; DL VI 11.

³⁶ DL VI, 12 (= SSR V A 134), VI, 105.

³⁷ Ср. Plat. *Symp.* 212b, Xen. *Mem.* I 2, 2–3.

³⁸ Такие примеры рассматриваются в Xen. *Mem.* IV, 1, 1–2.

³⁹ Ср. K. Gaiser. *Protreptik und Paränese bei Platon*. S. 97; и K. Döring. *Der Sokrates des Aischines aus Sphettos und die Frage nach dem historischen Sokrates* // «Hermes». 112 (1984). S. 16–30.

⁴⁰ Plat. *Symp.* 218d–e и *Alc. I* 124c.

⁴¹ Xen. *Mem.* I 2.7–8, I 6.9, I 6, 13–14, II 6, 28 f., IV 1, 1–2, IV 2.22–30.

⁴² Plat. *Apol.* 29d–30a.

Задача *beltiōn poiein* требует пайдевтического процесса, первый этап которого заключается в том, чтобы заставить собеседника осознать мнимость его мудрости. Чтобы стать лучше, он должен отказаться от нее. Инструмент, который использует Сократ, чтобы обнаружить невежество собеседника, — это *logoi*, т.е. речи, обладающие эротической силой. Антисфен определяет это искусство как *mastropēia dia logōn*⁴³; Эсхин сообщает, что Аристипп, услышав лишь небольшую часть речей Сократа от Исхомаха, почувствовал непреодолимое желание приехать в Афины, чтобы услышать их от самого автора⁴⁴; в «Пире» Платона эти *logoi* упоминаются Алкивиадом дважды, в начале и в конце речи⁴⁵, а в «Федре» Сократ предстает как *tōn logōn erastēs*⁴⁶.

Из «Пира» мы узнаем, что эти *logoi* имели магическое влияние на слушателей: те, кто их слушают, бывают «увлечены и потрясены» (*ekpreplēgmenoi esmen kai katekometha*)⁴⁷, даже если их пересказывают в отсутствие Сократа. Их магическое воздействие способно вызывать бешенное сердцебиение, рыдания, глубокий стыд. Тем не менее, они далеко не иррациональны. В конце своей речи Алкивиад отмечает, что они содержательны, божественны и «касаются множества вопросов, вернее сказать, всех, которыми подобает заниматься тому, кто хочет достичь высшего благодородства» (*kalōi kagathōi*)⁴⁸. О необычайном воздействии этих речей сообщают также Эсхин и Ксенофонт. Описание «обращений» Алкивиада⁴⁹ и Евтидема⁵⁰ у этих авторов приводит на ум слова Алкивиада в «Пире»: и здесь Сократ бросает вызов чу-

⁴³ Xen. *Symp.* 4. 63.

⁴⁴ Plut. *De curios.* 2, 516c (= SSR IV A 2).

⁴⁵ Plat. *Symp.* 215c и 222a (ср. K. Gaiser. Review of B. Ehlers. Eine vorplatonische Deutung des sokratischen Eros. München: Beck, 1966 // «Zetemata». 41. 1969. S. 200–209).

⁴⁶ Plat. *Phaedr.* 228c.

⁴⁷ Plat. *Symp.* 215d.

⁴⁸ Plat. *Symp.* 222a.

⁴⁹ Aesch. *Alc.* (= SSR VI A 47 слл.)

⁵⁰ Xen. *Mem.* IV 2.

жой мудрости, заставляя собеседника признать свое невежество и, устыдившись, обратиться к добродетели.

Как мы видим, в случаях Алкивиада и Евтидема *beltiōn gignesthai* требует пайдевтического процесса, реализуемого в обладающих эротической силой *logoi*. Благодаря этой силе, которая, с одной стороны, вызывает сильные чувства, а, с другой стороны, совершенно рациональна, собеседники Сократа отрекаются от своих прежних знаний и следуют за учителем.

Заключение

В заключение мы можем отметить, что четыре эротических паттерна, рассмотренных в этой статье — Алкивиад, Сократ — специалист в *erōtika*, влюбленный Сократ и эротическая пайдейя, — оказываются тесно связанными друг с другом. Они позволяют реконструировать довольно сложную теорию эроса и расширить то представление, которое складывается на основании диалогов Платона. Многие вопросы, которые я здесь мог лишь кратко затронуть, требуют дальнейшего изучения. Тем не менее, рассмотренные паттерны помогают увидеть основные черты *Sōkratēs erōtikos*.

Перевод с англ. Ольги Алиевой